

Т.Н. Красавченко*

**ОСКАР УАЙЛЬД И ДОСТОЕВСКИЙ:
ВЕКТОР СТРАДАНИЯ И СОСТРАДАНИЯ**

Аннотация. На первый взгляд, казалось бы, трудно найти более различных писателей, чем Достоевский, познавший глубины страдания и нужды, и Оскар Уайльд – эстет, гедонист, денди, сибарит. И тем не менее, именно Уайльд, один из первых в Британии, по достоинству оценил Достоевского и наметил параметры восприятия его в британской культуре в дальнейшем. Жизнь и Достоевский привели британского писателя к пониманию важнейших истин, обогатив английскую литературу новыми для нее смыслами.

Ключевые слова: русская и английская литература; межкультурная коммуникация; национальная культурная матрица и ее возможное изменение.

Получено: 05.02.2021

Принято к печати: 06.03.2021

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Оскар Уайльд и Достоевский: вектор страдания и сострадания // Литературоведческий журнал. 2021. №1(51). С. 28–37. DOI: 10/31249/litzhur/2021.51.03

* Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117997, Москва, Россия. E-mail: tatianakras@mail.ru

Tatiana N. Kravachenko – Doctor of Science in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt 51/21, 117997, Moscow, Russia. E-mail: tatianakras@mail.ru

Tatiana N. Krasavchenko
Oscar Wilde and Dostoevsky:
vector of suffering and compassion

Abstract. At first glance it would seem difficult to find more different writers than Dostoevsky, who knew the depths of suffering and poverty, and Oscar Wilde – esthete, hedonist, dandy, sybarite. And yet it was Wilde, who, one of the first in Great Britain, appreciated Dostoevsky and outlined the main parameters of his perception in British culture in the future. Life and Dostoevsky led the British writer to understanding of the most important truths, and this revelation brought new meanings into English literature.

Keywords: Russian and English literature; intercultural communication; national cultural matrix and its possible change.

Received: 05.02.2021

Accepted: 06.03.2021

For citation: Krasavchenko T.N. Oscar Wilde and Dostoevsky: vector of suffering and compassion. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no.1(51), 2021, pp. 28–37. (In Russ.) DOI: 10/31249/litzhur/2021.51.03

Общеизвестно, что «бум Достоевского» в Британии пришелся на 1910-е – начало 1920-х годов, что было связано с выходом в 1912–1921 гг. основного корпуса его сочинений в переводе Констанс Гарнет. В 1870–1880-е Достоевского в Британии знали мало. Вероятно, наиболее ранняя статья о Достоевском в Англии была опубликована в журнале «Атенеум» в 1875 г. английским русистом, другом И.С. Тургенева – Уильямом Ролстоном, известным в качестве переводчика на английский романа «Дворянское гнездо» («Liza», 1869), басен И.А. Крылова (1868) и русского фольклора. Он представил основные произведения Достоевского, начиная с «Бедных людей» и кончая «Бесами» [12, p. 609]. И он же написал некролог о Достоевском 16 апреля 1881 г. в журнале «Academy» (vol. 19, N 467, p. 273–274) [см.: 8, с. 312–319].

В 1886 г. во Франции вышла книга, которая произвела впечатление на всю Европу: «Русский роман» французского дипломата и писателя Эжена Мельхиора де Вогиюэ, в 1877–1882 гг. служившего секретарем во французском посольстве в Петербурге и встречавшегося с русскими литераторами. В ней Вогиюэ отдавал явное предпочтение Тургеневу, тогда наиболее признанному русскому писателю в Европе. Была в книге и глава «Религия стра-

дания. О Достоевском» [16, р. 204], во многом предвосхитившая матрицу отношения к писателю в Англии. Правда, в английском переводе книга Вогюз вышла лишь в 1913 г., но в 1880-е годы, когда Париж явно лидировал в культурном плане, многие британцы читали литературные новинки на французском. Книга Вогюз пробудила интерес к творчеству Достоевского, в Лондоне и Нью-Йорке вышли переводы его сочинений.

28 (15) мая 1886 г. в лондонской вечерней ежедневной газете «The Pall Mall Gazette» была опубликована анонимная рецензия «Русский реалистический роман» [17, р. 5] – о переводе с русского на английский романа Достоевского «Преступление и наказание», сделанном Фредериком Уишоу и только что вышедшем в лондонском издательстве «Vizetelly and Co». Как установила С.А. Ипатова (ИРЛИ РАН), ее автором был Оскар Уйальд – в 1884–1889 гг. постоянный обозреватель раздела новостей культуры этой газеты [9, с. 250–265]. В рецензии очевидно, что Уйальд сразу понял необычность и уникальность русской литературы и выделил ее трех «главных» авторов – Тургенева, Толстого и Достоевского. Он писал о них как о писателях европейского масштаба, которые имеют «идеальные цели», обладают «удивительной душевной тонкостью и неуловимым индивидуальным очарованием» и «так называемые реалисты» в сравнении с ними «подобны сатирам». Стихию их творчества он назвал «очищающей, вдохновляющей и облагораживающей» для европейской литературы [17, р. 5].

В 1887 г. вышел перевод на английский «Униженных и оскорбленных», также осуществленный Фредериком Уишоу [14], а 2 мая (19 апреля) 1887 г. в той же «The Pall Mall Gazette» появилась рецензия Уйальда на этот перевод [18, р. 11]. В ней он, в духе европейских критериев того времени о романисте как «блюстителе формы», отдает предпочтение Тургеневу и пишет, что Достоевский, конечно, «не такой утонченный художник», как его соотечественник, «поскольку больше основывается на фактах, а не впечатлениях; не обладает он и широтой видения и этической невозмутимостью Толстого; у него иные, присущие лишь ему одному достоинства: яростный накал страстей и мощь чувств, дар раскрывать глубинные тайны души и потайные источники жизни...» [18, р. 11]. По мере знакомства с персонажами Достоев-

ского, писал Уайльд, «мы начинаем понимать, что отнюдь не только плохие люди порождают зло», и «сколь бы безжалостен ни был Достоевский в своем методе как художник, как человек он *сострадает* (курсив мой. – Т. К.) нам всем: тем, кто творит зло, и тем, кому оно наносит ущерб...» [18, р. 11]. Обратим внимание на то, что Уайльд впервые употребляет здесь слово «сострадает» по отношению к Достоевскому. А его замечание: «не только плохие люди порождают зло» напоминает о том, что он был последователем своего оксфордского профессора, идеолога эстетизма Уолтера Пейтера, убежденного в том, что искусство не признает ни нравственных категорий, ни утилитарных целей, его красота самоценна, но, в отличие от знаменитого теоретика искусства Джона Рёскина, приемлющего красоту лишь в синтезе с добром, допускавшего в ней примесь зла. То есть для Уайльда понятие жизни и красоты изначально было амбивалентным. И восклицание Грея в порыве отчаяния: «Каждый из нас носит в себе Ад и Небо» [11, I, с. 179] перекликается со словами Мити Карамазова: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [3, XIV, с. 100].

В рецензии очевидно, что биография Достоевского произвела на Уайльда впечатление: «Достоевский, еще не достигнув зрелости, в полной мере изведal жизнь во всех ее проявлениях: он рано познал бедность и страдание, боль и унижение, тюрьму, ссылку и любовь...». Биографию Достоевского Уайльд мог знать от своей русской знакомой – Ольги Алексеевны Новиковой, писательницы, переводчицы, хозяйки светского салона в Лондоне, знавшей Достоевского [см.: 7, с. 251–262].

Примечательно, что в рецензии Уайльд сделал «ошибку»: он написал, что Соня и Раскольников читали притчу о Лазаре и богаче (Лк. 16, 19–31), а не о воскрешении Лазаря (Ин. 11, 1–50), как у Достоевского. По мнению С.А. Ипатовой, «ошибка» допущена не случайно и объяснима эстетическими взглядами Уайльда на литературную критику как полноправное сотворчество с автором – таков тезис его эссе «Критик как художник» (1890) [10, с. 285–288 и др.]. Уайльд «выбрал» и по-своему истолковал близкие ему смыслы романа Достоевского: тут очевидно, что, несмотря на различие евангельских сюжетов, их объединяет мысль о необ-

ходимости веры в Бога. Уайльд, заменив один сюжет другим, «переписал» Достоевского в соответствии с «автобиографией собственной души» [9, с. 257]. Исследовательница полагает, что это не случайно: «не прозревает ли он свое грядущее воздаяние» – то, что произошло в потусторонней жизни с богачом из притчи? Конечно, Уайльд размышлял о социальном устройстве мира и был утопистом, автором эссе «Душа человека при социализме» (1891). Но в 1886 г. в «Преступлении и наказании» он прежде всего ощутил существование другого мира – «истерзанной России», мира страдания, смирения, по главным этико-эстетическим критериям далекого от английской культуры, ориентированной на протестантскую этику – действие, индивидуализм, стремление к благоденствию, счастью, радости. Он жил еще своей обычной жизнью и едва ли проецировал мир Достоевского на себя.

Вера в возможность утопии характерна для Уайльда, как и для «исконных» британских социалистов – таких, как Уильям Моррис, Джон Рёскин. В эссе «Душа человека при социализме» Уайльд писал о государстве, в котором живут свободные, совершенные люди, нет карательной системы, ибо нет преступлений, а человек испытывает радость при виде радостной жизни других [10, с. 371–372]. Обратим внимание на то, что в этом эссе *христианскому идеалу личности* Уайльд противопоставляет *индивидуализм*, к которому общество придет через социализм; этот индивидуализм откроет неограниченные человеческие возможности, но не через страдание и боль, как Иисус, а через радость. Уайльд явно ориентирован на «мир радости».

Возможно, в рассуждениях Раскольниковова он нашел близкие себе идеи о существовании обычных и выдающихся людей, о необходимости оправдания греха, совершенного выдающимся человеком, отнеся это к издержкам необходимого прогресса, ведущего к неавторитарному социализму. Очевидно, что тема «преступления» в романе Достоевского произвела на Уайльда впечатление. Об этом свидетельствует, в частности, рассказ «Преступление Артура Сэвила» (1887). В нем писатель явно пытался «примерить» идею «рока преступления» на своего персонажа. Но этот сюжет не был органичен и актуален для автора, не трогал его за живое, и он перевел его в русло «нелепости», «неоправданных страхов» и предрассудков. Более органично тема преступления вписалась в

роман «Портрет Дориана Грея» (1891), где Дориан убил художника Бэзила Холлуорда. Он совершил это преступление, в отличие от преступления Раскольникова, казалось бы, не продуманно, а спонтанно, однако очевидно, что герой подсознательно готовился к нему и оно оказалось не случайным. Хотя затем Дориана (как и Раскольникова) мучает мысль о совершенном убийстве, к тому же возникает идея двойничества (уже совсем в духе Достоевского): ведь Холлуорд – создатель рокового портрета Дориана Грея. В результате погиб художник – погибла и его модель, сохраняется, выживает только Искусство (это уже идея Уайльда). Так, вольно или невольно следуя по стопам Достоевского, Уайльд создал сложный рисунок преступления, до тех пор не свойственный английской «детективной», «криминальной» и тем более «серьезной» нравоописательной литературе.

Но, возможно, еще большее впечатление произвел на Уайльда «глубокий психологизм» романов Достоевского. Как заметил Н.Я. Абрамович, в «Портрете Дориана Грея» писатель обнажил «лабиринты человеческой психики» [1, с. 81].

Но более всего Уайльда мир русских поразил «феноменом боли», «страдания». О «русской боли», об ее «средневековой природе», об ее архаике он писал в эссе «Критик как художник», противопоставив Золю Достоевскому: «Еще вчера нас зачаровывал реализм. <...> Но мы разобрались в его природе, и он нам прискучил. И еще не успел кончиться отпущенный ему день, как <...> в *истерзанной* [курсив мой. – Т. К.] России неожиданно возродился дух средневековья, захватив нас на минуту своим бескомпромиссным *восприятием жизни как боли* [курсив мой. – Т. К.], – я разумею не исторические средние века, но определенный душевный настрой» [10, с. 307]. Писал он об этом и в эссе «Душа человека при социализме»: «Ни один из современных россиян не способен самовыразиться иначе, чем через боль. Кое-кому из русских удалось выразить себя в Искусстве, в области романа, мироощущение которого близко к средневековому, так как доминирующий мотив – самовыражение через страдание. ...Боль становится единственным путем к совершенству...» [10, с. 372–373].

Н.Я. Абрамович полагал, что Уайльду лишь в тюрьме открылось то, что «больше и светлей индивидуального “я”, и он путем мучительного пересмотра своего мировоззрения “почти пе-

решел на путь Достоевского» [1, с. 33]. С. Ипатова полагает, что этот «пересмотр» начался задолго до тюрьмы, и трагический финал «не был *deus ex machina*. Уайльд упорно искал страдания и, как вспоминают очевидцы, не пытался, хотя и мог, предотвратить судебный процесс и тюремное заключение. Рецензия на “Преступление и наказание” – одна из страниц этого жизнетворчества» [9, с. 258]. На самом деле Уайльд, на первом слушании в суде в апреле-мае 1895 г. едва-едва оправданный присяжными (десять из них признали его вину, двое были против), остроумно парировавший все обвинения в свой адрес и имевший успех у публики и на втором суде, не ожидал, что новый суд присяжных признает его виновным, тем более что даже судья отозвался обо всех пунктах обвинения как недоказанных или доказанных недостаточно. Привыкший к вольной жизни, восхищению, успеху, Уайльд, считавший себя личностью необычной, выдающейся, которой многое позволено, недооценил царивший в викторианский период культ «приличия», ханжество нравов «средних викторианцев», а именно из них состоял совет присяжных.

И в тюрьму он, по его собственному признанию, вошел с *«каменным сердцем»*, он еще не познал страдания и сострадания. «Записки из Мёртвого дома» Достоевского были известны ему. Они вышли в английском переводе Мари фон Тило в 1881 г. под названием «Погребённые заживо, или Десять лет каторжных работ в Сибири» [13], а в 1888 г. под названием «Жизнь на каторге в Сибири» в переводе Х. Сазерленда Эдвардса [15]. Читал ли он их в одном из этих переводов или во французском переводе, установить пока не удалось, но несомненно читал, о чем свидетельствует его давний интерес к Достоевскому. Андре Жид в воспоминаниях привел свой разговор с Уайльдом в Берневале во Франции, где тот поселился после тюрьмы. «Не без робости осведомляюсь, пишет А. Жид, – читал ли он “Записки из Мёртвого дома”. Он не дает прямого ответа и произносит: “Русские писатели – люди совершенно изумительные. То, что делает их книги такими великими – это вложенная в их произведения жалость <...> О, dear, жалость – это замечательная вещь; но я не знал ее прежде... Я каждый вечер благодарю Бога за то, что он позволил мне ее узнать. Ибо *в тюрьму я вошел с каменным сердцем* [курсив мой. – Т. К.], думая только о наслаждении, теперь же мое сердце окончательно надломилось; в мое

сердце вступила жалость и я понял теперь, что это самая великая, самая прекрасная вещь из всех существующих на свете”» [4, с. 156]. Тут было бы точнее перевести не «жалость», а «сострадание».

Два года (1895–1897) Уайльд провел в тюрьмах за «преступление против нравственности» – нетрадиционную сексуальную ориентацию.

Н.Я. Абрамович находит общее между Достоевским, «философом подполья», и Уайльдом, «королем жизни» в «абсолютном эгоцентризме, замыкавшем и Уайльда, и Достоевского на самих себе» [1, с. 30]. Именно это умение «замкнуться на внутренней жизни» спасло Достоевского, и, оказавшись в «Мёртвом доме», он, по мнению Абрамовича, остался почти тем же: «Художник чахлого петербургского дня и созревающих в его сумерках безумных планов и пророчеств Раскольникова, давно уже носил в своем сознании каторгу, принял ее в себя, осознал ее» [там же, с. 17]. Уайльд, который, в отличие от Достоевского, вел «праздничную жизнь», оказавшись в тюрьме, был сломлен. Хотя, заметим, что определение «сломлен» не совсем точно, точнее: мир для него перевернулся, он на собственном опыте открыл для себя важнейшие истины, к пониманию которых подвел его Достоевский.

И в написанном Уайльдом – заключенным С 33 – в Редингской тюрьме письме к Альфреду Дугласу, страсть к которому послужила причиной его краха, в этой исповеди, известной под названием «De Profundis» («Из бездны» – начало покаянного псалма, читаемого как отходная над умирающим; изд. 1905), очевидно, что ее автор познал страдание. Одной своей знакомой, навестившей его в тюрьме, он, возможно, парафразируя знаменитое рассуждение Ивана Карамазова, сказал: «...в одном тесном лондонском закоулке достанет горестей, чтобы доказать, что Бог не любит человека и что само наличие страдания – хотя бы это были всего-навсего слезы ребенка в уголке сада, пролитые из-за совершенного или несовершенного проступка, – уже беспросветно затмевает весь лик творения» [10, с. 429; см: 3, с. 222–223].

В тюрьме Уайльд ощутил свои мучения как «Голгофу вселенную», а страдание – как «высшую ступень совершенства», ибо в нем соединяются и Жизнь и Искусство, тождественные в страдании, ибо «Боль, в отличие от Наслаждения, не носит Маски» [11, III, с. 473]. Раньше Христос для Уайльда – это прежде всего

Христос Эрнеста Ренана, воплотивший в себе идеал неповторимой личности. Теперь он взглянул на Христа по-иному: Христос открыл ему, что нет различия между чужой и своей жизнью, и тем даровал человеку безграничную личность, «личность Титана». С приходом Христа история каждого человека стала – или может стать – историей всего мира. По мнению российского литературоведа А.Н. Дорошевича, именно эти слова о Спасителе, без которого, как писал Вяч. Иванов в книге о Достоевском, «все усилия личности выйти из метафизического одиночества были бы с самого начала тщетны» [5, с. 371], дают возможность говорить об «идее соборной» применительно к Уайльду [2, с. 235]. Таким образом, «прозрение» Уайльда ведет к тому, что в английской литературе звучат совершенно новые для нее ноты. В статье 1907 г. «О веселом ремесле и умном веселии» Вяч. Иванов заявил прямо: «И декадент-эллинист Оскар Уайльд должен, покорный закону варварской души, стать предателем идеи эстетического индивидуализма во имя идеи соборной» [6, с. 74]. В поэме «Баллада Реддингской тюрьмы» (1898), написанной Уайльдом во Франции в конце 1897 г., авторское «я» почти неотделимо от «мы» остальных узников, а казнь одного из них – гвардейца, из ревности убившего жену и приговоренного к виселице, переживается «всеми как вселенская, общечеловеческая трагедия» [2, с. 235]. Тут важно еще одно высказывание Уайльда, зафиксированное А. Жидом: «Обещайте мне в будущем никогда не писать ‘Я’... Видите ли, в искусстве нет места для первого лица» [4, с. 159].

Таким образом, жизнь и Достоевский вывели Уайльда, а с ним и английскую литературу (Дж. Гиссинга, Р. Стивенсона) уже в 1880-е годы на новые этико-эстетические рубежи, потом это движение продлилось в творчестве модернистов (В. Вулф, Т.С. Элиот, Дж.М. Марри и др.).

Список литературы

1. *Абрамович Н.Я.* Религия красоты и страдания: О. Уайльд и Достоевский. СПб.: Посев, 1909. 88 с.
2. *Дорошевич А.Н.* Стиль и смысл: кино, театр, литература. М.: ВГИК, 2013. 319 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976.

4. Жид А. Достоевский. Эссе / пер. с франц. Томск: Водолей, 1994. 288 с.
5. Иванов В. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. / вступ. ст., предисл. С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. 669 с.
6. Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. Т. 3. 916 с.
7. Ипатова С.А. Из женского «эпистолярного» архива Достоевского (А. Ишимова, О.А. Новикова, М.А. Поливанова) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: ИРЛИ РАН, 1996. Т. 13. С. 251–262.
8. Ипатова С.А. Английский журнал «The Athenaeum» о Достоевском (1875): У истоков восприятия писателя в Англии // Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 312–319.
9. Ипатова С.А. Неизвестная рецензия Оскара Уайльда на «Преступление и наказание» // Pro memoria: Памяти академика Г.М. Фридендера (1915–1995). СПб.: Наука, 2003. С. 250–271.
10. Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. / пер. с англ.; сост. и вступ. ст. Н. Пальцева. М.: Республика, 1993. Т. 2. 542 с.
11. Уайльд О. Собр. соч.: в 3 т. / пер. с англ.; сост. А. Дорошевич. М.: Terra, 2000. Т. 1: 509 с.; Т. 2: 429 с.; Т. 3: 587 с.
12. [Ralston W.] Fedor Dostoevsky // The Athenaeum. L., 1875. 6 Nov. N 2506. P. 609.
13. Dostoyeffsky F. Buried Alive, or Ten years of penal servitude in Siberia. Transl. by Thilo M. von. 4th ed. London: Longman's, Green, and Co, 1881. 361 p.
14. Dostoyeffsky F. Injury and Insult. Transl. from the Russian by Whishaw F. London: Vizetelly & Co, 1887. 480 p.
15. Dostoyeffsky F. Prison Life in Siberia. Transl. by H. Sutherland Edwards. L.: J. and R. Maxwell, 1888. 368 p.
16. Vogue E.M. de. The Russian Novel. L.: Chapman and Hall Ltd, 1913. 337 p.
17. [Wilde O.] Russian Realistic Romance // The Pall Mall Gazette. L., 1886. May 28. Vol. 43. N 6614. P. 5.
18. [Wilde O.] A Batch of novels // The Pall Mall Gazette. L., 1887. Vol. 45. N 6902. P. 11.